Николай ПОДОСОКОРСКИЙ

ЛЮБОВЬ К ТАЙНЕ, ЖАЖДА ЧУДА

Артур Мейчен. Кошмарная строка. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2025. – 150 с.

В тамбовском издательстве «Ex Nord Lux» впервые на русском вышла небольшая книга избранных литературных рецензий-эссе валлийского писателя-мистика Артура Мейчена (1863–1947), которые он публиковал в ведущих британских периодических изданиях с 1890-х по 1930-е годы. Всего в книге представлено пятнадцать рецензий Мейчена-критика, и все их объединяет тема потустороннего («другой стороны») в новейшей западноевропейской (в основном – британской) и американской литературах. Критические тексты автора «Великого бога Пана» и «Холма снов» мало касаются непосредственного скрупулезного разбора чужих книг, но, скорее, дают ему возможность высказаться на более широкие темы (так или иначе связанные со сверхъестественным), которые оказались затронуты в сочинениях Сэмюэла Тейлора Кольриджа, Вальтера Скотта, Джона Китса, Эдуарда Булвер-Литтона, Маргарет Олифант, Роберта Льюиса Стивенсона, Алджернона Блэквуда и др.

Во «Введении» к книге, написанном С.Т. Джоши, приводится своеобразное мейченовское кредо: «В каждом здравомыслящем человеческом сердце глубоко укоренилась любовь к тайне, жажда чуда». Последние знаменитый валлиец призывает видеть и находить в религии, искусстве и, в первую очередь, в глубокой мистической художественной литературе, которая не имеет ничего общего с новомодными течениями вроде теософии и спиритизма, являющимися, с его точки зрения, чушью, заблуждением или сознательным мошенничеством. «Тех, кто действительно изучал сокровенные тайны души и воли, кто слушал чистые голоса Платона и Беркли, рассуждающих о тайнах, – никогда не встретить на сеансах в подворотнях, где дух Шекспира говорит дураком, где Мильтон выучился американскому акценту, где все святые и почтенные, вызывающие трепет предметы Храма вываливают в сточную канаву лондонской улицы. Так же хранит себя и человек начитанный; пусть даже ни во что не веря и не заботясь о духовной истине, он простым чувством вкуса убережется от чар “медиумического транса”, сказав “не верую, ибо зловонно”» (из эссе «Наука и рассказы о привидениях»).

С той же страстью, с которой Мейчен обрушивается на современный оккультизм и различные гадательные практики, отравляющие людей вздором ради обогащения ловких фокусников-манипуляторов, он бичует и позитивистскую науку, материализм, «деловое мышление», представляющие собой другой род заблуждений и обмана: «А вот постигающий физические науки не всегда в безопасности: пропасть меж материализмом биологии и материализмом медиума закрывается довольно легко, и часто от лаборатории до [спиритического] сеанса всего пара шагов». Писателя возмущает, что в его эпоху любознательным интеллектуалам «дозволено сколь угодно глубоко изучать сознание древних людей, их верования и легенды – при условии, что они не отступят от аксиомы, гласящей, что чудес не бывает, ничего сверхъестественного не существует и никогда не существовало». Хотя с его точки зрения, честные религиозные мыслители с каждым днем «все больше убеждаются, насколько абсурдно называть что-то невозможным».

В эссе «Парадокс литературы» Мейчен заявляет, что «самые выдающиеся книжные шедевры создаются бессознательно», ибо «литература глубоко иррациональна». А потому нет ничего глупее для писателя, чем упорно «штудировать» специальные труды по определенной теме перед написанием романа. Искусство, с его точки зрения, это «таинственный язык человеческой души», а потому от него бессмысленно требовать идеальной точности, понятной всем и каждому, «поскольку высшее не может быть полностью выражено средствами низшего». Цель художника – не в том, чтобы фиксировать «реальность», но в том, чтобы открывать и пересоздавать ее. В эссе «Реализм и символ» читаем: «Неизмеримая пропасть разделяет пейзаж Тёрнера и наилучшую фотографию той же самой местности. Даже не учитывая того, что Тёрнер намеренно вносил изменения в то, что видел перед собой, относясь к горам и озерам, деревьям и соборам так же, как хороший режиссер относится к актерскому составу, можно видеть, что картина получила то самое посвящение, о котором говорил Вордсворт: природное было впитано сверхъестественным; холмы и ручьи были вознесены к вершине славы, павший мир воскрешен из мертвых. То, что в природном порядке было массами земли, воды, зеленью растительности, на холсте художника пресуществилось в таинство и символ. Отсюда следует, что всё великое искусство глубоко “реалистично”».

Подлинный реализм Мейчен понимает как умение чувствовать тайну мира, взаимодействовать с ней и передавать при помощи символов глубинный опыт человечества другим. В этом смысле образцом реализма для него является сборник средневековых сказок «Тысяча и одна ночь», в то время как большая часть современной литературы, формально относимой многими к «реалистической», на самом деле до крайности нереалистична и часто путает ужасное и трагическое с отвратительным. «Вселенная и искусство сотканы из невероятностей», утверждает он.

В эссе «Звери Божьи» содержится призыв превратить «уродливую материю» в «высокую мелодию», преобразовать временное в вечное, взять мир и сделать его искусством для «вечной красоты и невыразимой радости небес». По убеждению Мейчена (и здесь он близок Достоевскому), «во всем преходящем и смертном неявно присутствует и бессмертное: рай уже доступен нам и в холодном колодце, и в глотке вина (веселящем сердце человеческое), в хлебе, в мясе, в пламени костра, и в пламени солнца. Весь мир, что мы чувствуем вокруг себя – волшебен, в нем нет ничего дьявольского. То есть ничего пошлого, банального или нечистого. В большой кружке доброго эля найдутся таинства, если знать, как их различать».

К существенным недостаткам этого издания можно отнести полное отсутствие в нем даже самого минимального справочного аппарата – к примеру, нет указаний на то, с каких конкретно публикаций делались переводы, и даже не раскрыто имя переводчика. В целом книга больше похожа на «самиздат» (в ней отсутствует ISBN, не указан тираж и проч.), поэтому проверка точности переведенных текстов в сравнении их с оригиналами – отдельная насущная задача.

Подытоживая, отмечу еще несколько теоретических принципов Мейчена, заявленных им в рецензиях, включенных в данный сборник. На примере творчества Эдгара Аллана По он указывает на то, что «цель поэзии – творить красоту и, следовательно, переживать восторг в этой красоте», а «литература должна уподобиться заклинанию», то есть «она должна подняться в мир, не подлежащий никакому определению логикой, необъяснимый разумом и здравым смыслом, по той простой причине, что все это он превосходит; тамошний язык принадлежит не этой земле; в конце концов, этот язык говорит смертному о бессмертной и неизреченной красоте». К счастью, сам Мейчен – отнюдь не просто критик, указывающий другим, как *надо* писать; в своих художественных произведениях он успешно воплотил все эти принципы как писатель, исследующий проявления духа в материальном мире.